

Публикации

УДК 821(47)-3

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-186-199

Следственное дело А.З. Лежнева-Горелика (1937 г.)

Юрий Г. Бит-Юнан

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
bityunan@gmail.com*

Аннотация. Данный материал представляет собой фрагментарную публикацию следственного дела А.З. Лежнева-Горелика производства 1937 г. Источник – Центральный архив ФСБ РФ. Текст снабжен комментариями публикатора.

Ключевые слова: А.З. Лежнев-Горелик, А.К. Воронский, Н.Н. Зарудин, И.И. Катаев, «Перевал», «Красная новь», троцкизм

Для цитирования: Бит-Юнан Ю.Г. Следственное дело А.З. Лежнева-Горелика (1937 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 186–199. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-186-199

The investigation file of A.Z. Lezhnev-Gorelik (1937)

Yury G. Bit-Yunan

*Russian State University for the Humanities,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, bityunan@gmail.com*

Abstract. Below are fragments of the investigation file of A.Z. Lezhnev-Gorelik dating back to 1937. The source of the material is Central Archive of the Federal Security Service (FSB) of the Russian Federation. Provided with the fragments are the publisher's notes.

Keywords: A.Z. Lezhnev, A.K. Voronsky, N.N. Zarudin, I.I. Kataev, “Pereval” literary group, “Krasnaya Nov” journal, Trotskyism

© Бит-Юнан Ю.Г., 2023

For citation: Bit-Yunan, Yu.G. (2023), "The investigation file of A.Z. Lezhnev-Gorelik (1937)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 186–199, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-186-199

Имя Абрама Захаровича Лежнева известно сейчас, пожалуй, только специалистам по советской литературе 1920–1930-х гг. И те сведения, которые о нем сохранились, весьма скудны.

Так, в вышедшем в 1967 г. четвертом томе «Краткой литературной энциклопедии» в статье О.Н. Михайлова говорится, что советский критик и литературовед Абрам Зеликович Горелик, известный под псевдонимом «А. Лежнев», родился в июне 1893 г. в местечке Паричи Бобруйского уезда, умер в Москве 29 ноября 1938 г. В 1922 г. окончил Днепропетровский медицинский институт, вступил в литературную группу «Перевал», полемизировал с РАППовцами, боролся с ЛЕФовцами, «сторонниками самодовлеющего “техницизма”». Также написал ряд работ о М. Горьком, Л.Н. Сейфуллиной, Э.Г. Багрицком, Б.Л. Пастернаке и т. п. В 1930-х гг. занимался не только критикой, но и литературоведением, писал о А.С. Пушкине, Ф.И. Тютчеве, М.Ю. Лермонтове, однако «В 1938 г. был оклеветан и стал жертвой репрессий; реабилитирован посмертно»¹.

Последнее предложение в сочетании с точным указанием даты смерти должно было бы подсказать внимательному читателю, что «стал жертвой репрессий» равноценно «был расстрелян». Либо умер в заключении.

Несколько более информативна статья в «Википедии». Там сказано, что Абрам Лежнев родился «в семье крупного лесопромышленника, купца первой гильдии Зелика Шимоновича Горелика» и изучал медицину не в Днепропетровском мединституте, а в Женеве. Подтверждений этому, правда, не приводится. Зато в параграфе «семья» содержится ссылка на мемуары врача Е.В. Левинсон, написавшей биографический очерк о брате Лежнева – Симоне Зеликовиче Горелике, учившемся якобы сначала в Сорбонне, а потом – в Женеве². Отсюда, видимо, путаница. Сведения об отце Абрама Лежнева, кстати, тоже взяты из этих мемуаров.

¹ Михайлов О.Н. Лежнев А. // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 4. 1967. Стб. 94.

² См.: Левинсон Е.В. Забытый герой // Официальный сайт альманаха «Еврейская старина». URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer8/Levenson1.php> (дата обращения 8 августа 2023).

В «Википедии» же сообщается, что Лежнев был расстрелян 8 февраля 1938 г. в Коммунарке, а не просто умер в Москве – и не 29 ноября 1938 г.

Остальные источники информации имеют лишь косвенное отношение к биографии Лежнева. Его литературоведческие работы позволяют судить только о его профессионализме. Наиболее известные труды – собрание литературно-критических очерков «Современники», очерк «Максим Горький. Его жизнь и творчество», литературоведческие статьи «Об искусстве», а также работа «Проза Пушкина»³.

Научные труды по советскому литературному процессу 1920–1930-х гг. содержат информацию о контактах Лежнева с товарищами по «Перевалу» и с членами других литературных группировок, а также о его художественной позиции (см., напр.: [Maguire 1968; Динерштейн 2001; Белая 2004]).

Весьма ценные замечания содержатся в предисловии Г.А. Белой к изданию очерков «Об искусстве» 1987 г. [Белая 1987]. Следует также отметить статьи отечественного историка А.Л. Юрганова, работавшего со следственным делом А.К. Воронского 1937 г. [Юрганов 2016а; Юрганов 2016b; Юрганов 2018].

Однако и по этим трудам можно судить, что дефицит информации о Лежневе – налицо.

Есть, однако, еще один источник, который позволяет устранить некоторые лакуны в его биографии и даже дополнить его характеристику как литературного критика. Это его следственное дело 1937–1938 г. В 2017 г. оно было рассекречено, доступ к нему был предоставлен в читальном зале Центрального архива ФСБ РФ. Ниже будут опубликованы фрагменты из него.

Следует при этом оговориться, что показания Лежнева не следует воспринимать как безоговорочно достоверные, поскольку они могли быть получены под давлением. Более того, во время судебного заседания он от них отказался⁴, а впоследствии был реабилитирован в связи с тем, что дело было пересмотрено и закрыто – «за отсутствием состава преступления»⁵. Тем не менее эти материалы обладают источниковедческой ценностью.

³ См.: *Лежнев А.З. Современники: Литературно-критические очерки.* [Москва]: артель писателей «Круг», 1927; *Он же. Максим Горький: Его жизнь и творчество.* М.: Гудок, 1928; *Он же. Об искусстве: (Критич. статьи).* М.: Гослитиздат, 1936; *Он же. Проза Пушкина: Опыт стилистового исследования.* М.: Гослитиздат, 1937.

⁴ См.: ЦА ФСБ. Р-9458. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 60.

* * *

Согласно так называемой справке, «Абрам Захарович 1898 года рожд. бывш. меньшевик 1917–1918 гг., в настоящее время беспартийный, литературный критик, входил в литературное объединение “Перевал” и был одним из идеологов его»⁶. В качестве подтверждения этих сведений составитель справки приводит выдержки из показаний Н.Н. Зарудина, Б.А. Губера и самого А.К. Воронского⁷.

Ордер на арест был выписан 5 ноября 1937 г.⁸ Согласно ему, сотруднику ГУГБ НКВД Волкову надлежало провести арест и обыск у «Лежнева-Горелик Абрама Захаровича адрес Сверчков пер. д. 8, кв. 4». Арест и обыск проходили с нарушением формальных требований. А именно – при обыске присутствовал только один свидетель, а не два – «дворник тов. Марков Николай Николаевич»⁹.

При обыске были изъяты паспорт, профбилет, пишущая машинка, дневник со стихами (с чьими – в деле не указано), записная книжка и письма. Каких-либо жалоб со стороны арестанта не поступило¹⁰.

В анкете арестованного были указаны фамилия, имя и отчество: «Лежнев-Горелик Абрам Захарович»¹¹, год рождения – 1893, место рождения – «Белоруссия, Бобруйск», адрес – «Москва, Сверчков пер. 8, кв. 4.», специальность – «писатель». На вопрос о последних местах работы Лежнев ответил: «Писал и пишу дома, печатаюсь в совет. издательствах». Указаны также были общественная группа, к которой принадлежит арестант, – «литератор», гражданство – «советское» и национальность – «еврей». В строке «партийность (в прошлом и настоящая)» было указано: «бесп., в 1917–18 примыкал к меньшевикам». Репрессиям при советской власти Лежнев, по его собственному заявлению, не подвергался.

Как и полагалось в то время, обвиняемому по статьям 58/8 (Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации) и 58/11 (Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации,

⁶ ЦА ФСБ. Р-9458. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1–3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 8.

образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой) УК РСФСР 1926 г. в качестве меры пресечения свободы было избрано заключение под стражу¹².

16 ноября 1937 г. Лежнев пишет заявление на имя народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова:

Вступив в конце 1927 г. в литературную группу «Перевал», я являлся в течение ряда лет активным ее участником и одним из ее руководителей. В дальнейшем логикой борьбы, которую она вела, борьбы сначала чисто-литературной, а потом общественно-политической, группа становилась политически-оппозиционной, а часть ее сделала откровенно троцкистско-террористической. Возглавлял ее А. Воронский. Я принимал участие в троцкистской деятельности, ведшейся ею. Мне стало известно о террористических намерениях Воронского. Я дал ему свое согласие участвовать в террористической деятельности.

О подробностях я пишу в своих показаниях¹³.

23 ноября 1937 г. Лежнев был вызван на первый допрос. Он, впрочем, имел справочный характер. По сути, целью было заполнить еще одну, более подробную анкету, где помимо вопросов, уже задававшихся, было еще несколько позиций. Так, уточнялись социальное происхождение – «сын торговца»¹⁴, социальное положение до революции – «учился» и после революции – «литературная деятельность». Отдельный вопрос – состав семьи: «Жена Горелик Циля Борисовна дом. хоз. Братья: Симон – врач в Москве; Соломон-Горелик – почтальон в г. Ново-Московске УИР; Александр Горелик служит в Днепропетровске, отец 82 лет, 5 сестер». Образование – «высшее». Правда, не указано, по какой специальности он учился. Также, согласно анкете, Лежнев не служил в армии, состоял на учете в запасе и никогда не участвовал в любых военных формированиях, боровшихся с большевиками.

25 ноября 1937 г. Лежнева снова вызывают на допрос, на этот раз – обстоятельный. Проводили его майор Журбенко и лейтенант Русинов.

На вопрос, признает ли Лежнев себя виновным в участии «в антисоветской троцкистской террористической организации, возглавляемой А.К. ВОРОНСКИМ и созданной им из членов бывшей

¹² Там же. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 11.

литературной группы “Перевал”»¹⁵, Лежнев ответил согласием и конкретизировал, что «виноват перед Советской властью».

Затем от него потребовали, чтобы он рассказал, как он «вместе с ВОРОНСКИМ, прикрываясь литературным знаменем “Перевала”, вел среди писателей антисоветскую деятельность». На это Лежнев ответил, что «вступил в “Перевал” зимой 1927–28 г.» по приглашению Н. Огнева. Сам присоединиться к перевальцам не планировал, «не желая вступать ни в какие литературные объединения»¹⁶. Поэтому о том, что происходило в «Перевале», Лежнев изначально не знал. Однако политическую и литературную позицию Воронского он разделял, поэтому и сам стал членом этой группы. «По этим же мотивам вступили приблизительно к тому времени в “Перевал” и ЕВДОКИМОВ, ГОРБОВ, ОГНЕВ и другие», – поясняет Лежнев.

Лежнев настаивает, что изначально он оставался «довольно пассивным» членом «Перевала», потому что плохо понимал, чем именно занимается эта группа. Кроме того, руководство «Перевала» было довольно сплоченным и состояло

...по большей части из троцкистов, это были, в первую очередь ЗАРУДИН (председатель) и БАРСУКОВ. Вместе с ними состоял в руководстве ГУБЕР. Несколько подальше от дел, но в той же основной группе находился М. ГОЛОДНЫЙ. Секретарь «Перевала» ЕВДОКИМОВ и ОГНЕВ дополняли эту руководящую верхушку. Идейным вождем «Перевала» оставался А. ВОРОНСКИЙ.

Отметил Лежнев и то, что Воронский «в личном и в литературном отношении был тогда теснее связан с группой так назыв. “путчиков” (ПИЛЬНЯК, Всеv. ИВАНОВ, ЛЕОНОВ, СЕЙФУЛЛИНА, БАБЕЛЬ и др.), чем с “Перевалом”»¹⁷. Одна из причин заключалась в том, что Воронский «рассматривал себя, как вождя всей литературы, а не одной группы».

Другой же «заметной группкой внутри тогдашнего “Перевала”», по словам Лежнева,

...были «крестьянствующие» (АКУЛЬШИН, НАСЕДКИН, ДРУЖИНИН). Это был остаток старого «Перевала» еще Артемовской формации. ЕСЕНИН был их знаменем. Они вносили с собой кулацкие настроения, враждебные мероприятиям советской власти. Это с большей определенностью сказалось, впрочем уже в 1929–30 гг.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 14.

Более активно участвовать в работе «Перевала» Лежнев, по его словам, начал «в конце 1928 года». И это связано с тем, что туда несколько раньше вступил И.И. Катаев. Когда это случилось,

И он и я входим в руководящую группу «Перевала» и сближаемся с ее участниками. С этого времени я начинаю играть одну из руководящих ролей в «Перевале» и в силу того, что начинаю принимать участие в литературной продукции и в силу личного сближения с людьми, составляющими перевальскую верхушку, встреч с ними, разговоров, выявляющих наше единомыслие по ряду важнейших вопросов литературной тактики, что представлялось тогда наиболее существенным.

Показания Лежнева о специфике литературной работы «Перевала» Журбенко счел уклонением от темы и потребовал держаться «ближе к существу»¹⁸ обвинения и вернуться к антисоветской политической деятельности членов «Перевала» и Воронского лично.

Тогда Лежнев заявляет, что

...очень часто можно было слышать разговоры о «расправе» с лидерами оппозиции, сожаления по поводу того, что устранены такие «тонко-понимавшие литературу» люди, как Троцкий и Радек, сетования на их судьбу и т. д.

Арест Воронского в 1928 г. перевальцы восприняли «болезненно». Однако Воронского удавалось навещать в Липецке, куда он был выслан. Помимо Лежнева, с ним виделись Катаев, Губер, П.В. Слетов, Л.Н. Сейфуллина, И.Э. Бабель.

Разговоры носили не исключительно литературный характер –

...затрагивались и темы политические. Так, А. ВОРОНСКИЙ развивал известный троцкистский тезис о невозможности построения социализма в одной стране. Большинство из нас воспринимали его рассуждения сочувственно¹⁹.

Были, согласно Лежневу, и попытки «договориться с разными литературными течениями и группировками для проведения общей литературной линии против линии ЦК». К примеру, была встреча «с БЕЗЫМЕНСКИМ и РОДОВЫМ на квартире у БЕЗЫМЕНСКОГО, как с представителями течения, оппозиционного

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 16.

рапповскому руководству. Со стороны «Перевала» в ней участвовали я и ГУБЕР». Однако все они, согласно показаниям Лежнева, не привели к какому-либо результату.

Раздражение постепенно накапливалось, члены группы все чаще стали «обращать внимание на недостатки и нехватки, брюзжать, чувствовать себя обойденными и непонятыми». Усугубилась ситуация в 1930 г., когда началась «общественная проработка «Перевала»».

Политический фон, согласно показаниям Лежнева, тоже добавлял тревожности и недовольства:

Положение в стране изображалось в самых мрачных красках: «рискованные эксперименты губят то, что было накоплено страной после прекращения гражданской войны», всюду недовольство, нет (будто-бы) такого класса в стране, такой группы, которая была бы довольна происходящим. <...> Процесс коллективизации, бурно происходивший в деревне, дал новую пищу недовольству и возмущению. Возмущались тем, что «неповинно гибнут» миллионы крестьян, что «деградирует» сельское хозяйство, что новая индустрия «строится на феодальной эксплуатации деревни», рассказывали о восстаниях и голоде и т. д.²⁰

Нередко, продолжает Лежнев, заходила речь и о

...«внутрипартийном положении», о «зажиме критики», «отсутствии демократизма», репрессиях. Судьба ВОРОНСКОГО, арестованного и сосланного, рассматривалась, как конкретный пример²¹.

В это время, согласно показаниям арестанта, существенно меняется кадровый состав «Перевала». М.С. Голодный и Н.И. Дементьев выходят из организации, но к ней присоединяются И.А. Малеев, Н.И. Меклер, Вержбловский. Руководят «Перевалом» фактически Воронский, Катаев, Зарудин, Губер, Д.А. Горбов, П.В. Слетов и сам Лежнев²².

Далее Лежневу задан такой вопрос: «Постановление ЦК ВКП(б) от апреля 1932 г. о ликвидации РАПП'а и прекращении всякой групповщины в литературе не явилось для вас предупреждающим сигналом. Вы после этого прекратили антисоветскую борьбу?»²³

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 18.

²² Там же. Л. 18–19.

²³ Там же. Л. 19–20.

На него Лежнев отвечает отрицательно. Борьба, согласно ему, продолжилась:

В апреле 1932 года, после известного постановления ЦК, формальное существование «Перевала» прекратилось, но ядро «Перевала» хотя и уменьшившееся в своем объеме, продолжало быть. Для него не нужно было никаких формальных связей. Достаточно было общности настроений, политических и литературных.

Так, по показаниям Лежнева, однажды к Воронскому пришел Ф.И. Панферов, принес ему фрагмент «Брусков» «и вел с ним “либеральные” разговоры».

Упоминаются Лежневым и некие творческие командировки, в ходе которых Лежнев и его товарищи пытались установить степень недовольства советской властью в литературной среде²⁴.

Далее Лежневу задан вопрос, когда именно члены группы перешли к обсуждению «террористических методов борьбы против партии». Лежнев говорит, что это осень 1932 г.²⁵

Далее – уточняющий вопрос: «Вы дали ВОРОНСКОМУ свое согласие на вступление в террористическую организацию?»²⁶ И ответ Лежнева: «Когда я через несколько дней опять увиделся с ВОРОНСКИМ, он снова завязал со мной разговор на эту тему. Я был в такой степени подготовлен всей предыдущей борьбой и личным обаянием ВОРОНСКОГО, что дал свое согласие на вступление в террористическую группу».

Следующий вопрос: «Вам говорил ВОРОНСКИЙ о составе террористической группы?» И ответ Лежнева: «ВОРОНСКИЙ сказал мне, что она состоит из б. членов “Перевала” – КАТАЕВА, ЗАРУДИНА, ГУБЕРА, с которыми он уже переговорил, и ПИЛЬНЯКА. Из его слов я понял, что у ПИЛЬНЯКА есть еще какие-то свои люди».

Далее следователь требует подробности осуществления якобы планировавшегося теракта. Лежнев отвечает, что изначально целью теракта должен был стать сам И.В. Сталин. Покушение должно было состояться весной 1933 г. во время его встречи с писателями. Исполнителями должны были стать Катаев и Зарудин. Однако встреча была отменена, поэтому план провалился. Сам Лежнев не намеревался и не мог бы, по его словам, стать исполнителем теракта²⁷.

²⁴ Там же. Л. 20.

²⁵ Там же. Л. 21–22.

²⁶ Там же. Л. 23.

²⁷ Там же. Л. 24–25.

Какое-то время перевальцы занимались вербовкой антисоветски настроенных писателей в Палехе. Планировалось занять ключевые позиции в Московском товариществе писателей (МТП), чтобы через него оказывать влияние на остальных²⁸.

Однако в марте 1934 г. у Катаева, по словам Лежнева, возникает мысль «о возможности совершения террористического акта над ЕЖОВЫМ». Устроить это было сравнительно нетрудно, поскольку Катаев мог бы оказаться в доме Ежова благодаря Ф. Школьниковой. Воронский одобрил этот план, но поручил исполнение теракта Меклеру «как человеку более твердому, решительному и крайне озлобленному за свою высылку из Москвы»²⁹. Впрочем, Меклер в то время находился, по словам Лежнева, не в Москве, а вернуться ему было нельзя, поэтому и этот план провалился.

В заключение Лежнев говорит с покаянной интонацией, что все это время он много занимался литературоведением, и «страшная двойственность» его положения «начинала тяготить» его³⁰. Добавляет, что ему следовало во всем признаться.

Следующий допрос состоялся 29 декабря 1937 г. На этот раз допрашивал Лежнева один лейтенант Русинов.

Теперь обсуждались не намерения – следствие требовало, чтобы Лежнев назвал всех, кто состоял в других так называемых «террористических группах». Лежнев назвал «антисоветские группы», руководимые В.Я. Зазубриным, Н.Д. Вигилянским и Б.А. Пильняком³¹.

О группе Зазубрина Лежнев сказал немного: якобы Губер и Зарудин рассказывали Лежневу только о Е.Н. Пермитине. Слышал Лежнев о связи с Воронским писателей В.П. Правдухина и И.П. Шухова³².

О группе Вигилянского было сказано, что в нее входили поэт Н.И. Дементьев и прозаик И.А. Малеев и еще несколько человек. Примечательно и то, что Лежнев акцентировал, что он знает только одного члена этой группы в тот период, когда она была террористической – это Дементьев, умерший в 1935 г. В протоколе допроса, кстати, отмечено, что речь о человеке, которого нет в живых³³.

Подробнее говорится о группе Пильняка. Здесь Лежнев, в частности, характеризует П.А. Павленко и А.П. Платонова.

²⁸ Там же. Л. 25–27.

²⁹ Там же. Л. 27.

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ Там же. Л. 30.

³² Там же. Л. 30–31.

³³ Там же. Л. 32.

Павленко был, по словам подследственного, «непременным спутником Пильняка»³⁴. Именно Пильняк, по словам Лежнева, «продвигал его в литературу», однако через какое-то время «их отношения начали омрачаться». Причина в том, что Павленко не защищал Пильняка, когда того прорабатывали в связи с публикацией за границей романа «Красное дерево». Однако Пильняк простил ему это.

А вообще, резюмирует Лежнев,

Умный человек и талантливый писатель, ПАВЛЕНКО в то же время двуличен, скрытен и лукав. В группе «30-х годов» он был, после ПИЛЬНЯКА, самой заметной фигурой. На собраниях у ПИЛЬНЯКА или в «Перевале» он выступал в унисон с другими, поддерживая перевальскую линию и троцкистские установки. На собраниях же общелитературных (например, в Союзе писателей) он держался большим ортодоксом.

По прошествии двух лет Павленко вышел из «Перевала», «пристав письмо на имя одного из ее членов, но не сделав до того никакой попытки изменить направление ее деятельности и даже ни разу не выступив против какой-либо из ее установок». Поэтому многие восприняли его решение порвать связи с литературной группой как «личный маневр» – по выражению Лежнева.

Примечательно и то, что Лежнев будто пытается отвести от Платонова обвинения в троцкизме:

Гораздо меньше мне известен другой видный участник этой группы – Андрей ПЛАТОНОВ. Лично с ним у меня было только шапочное знакомство. Насколько я мог судить по его произведениям и по тому, что о нем рассказывали, он являлся по своим взглядам скорее правым, чем троцкистом. Это, конечно, в те годы (1931–34) нисколько не мешало его сближению с троцкистами. Из участников «30-х годов» он всего дружнее был с Анд. НОВИКОВЫМ (вошедшим одновременно с ПАВЛЕНКО в «Перевале»)³⁵.

Упоминаются в ходе допроса прозаики Г.В. Алексеев и Г.К. Никифоров, «ярко антисоветски настроенный человек» М.Н. Барсуков, а также Н.П. Смирнов, В.П. Полонский и И.М. Гронский, т. е. секретарь и два редактора «Нового мира»³⁶.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 33.

³⁶ Там же. Л. 34–36.

О редакции «Нового мира» Лежнев отозвался так:

После снятия ПОЛОНСКОГО с поста редактора «Нового мира» во главе журнала становится ГРОНСКИЙ, сохраняющий прежний редакционный аппарат. Остается в нем и СМИРНОВ. Несмотря на всю шумную и показную «словесность» ГРОНСКОГО, выступающего на каждом писательском собрании, устраиваемом «Новым миром», с грозными речами против троцкистов литературных и внелитературных, руководство журналом сохраняет ту же троцкистскую окраску, которая была при ПОЛОНСКОМ. Это видно хотя бы из того, что наиболее близким сотрудником редакции и первым советником ГРОНСКОГО становится ПИЛЬНЯК³⁷.

Похожим образом охарактеризован и В.В. Иванов. Согласно Лежневу, до 1927 г. он всецело поддерживал Воронского, был знаком с Л.Д. Троцким. Когда же Воронского сняли,

...он переменял фронт и в объяснение своей новой позиции заявил ему (ВОРОНСКОМУ), что ему все равно, кто победит: руководство партией или оппозиция, и что он лично ждет одного: чтоб в результате борьбы пришел новый Наполеон. В дальнейшем Всев. ИВАНОВ вел себя внешне как преданнейший сторонник генеральной линии партии, как примерный беспартийный большевик, но ВОРОНСКИЙ, а также и другие люди говорили мне, что действительные настроения его остались тем же самыми, т. е. троцкистскими³⁸.

Следствие было прекращено 31 декабря 1937 г.³⁹ К делу также были приложены выписки из показаний Зарудина, Губера, Катаева и Воронского, в которых говорилось о причастности Лежнева к деятельности «контрреволюционной террористической организации, руководимой ВОРОНСКИМ»⁴⁰.

Дальнейшие документы в деле – обвинительное заключение⁴¹, протокол подготовительного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР (ВКВС СССР)⁴², расписка Лежнева в получении копии обвинительного заключения⁴³.

³⁷ Там же. Л. 36.

³⁸ Там же. Л. 37.

³⁹ Там же. Л. 38.

⁴⁰ Там же. Л. 39–40.

⁴¹ Там же. Л. 44–46.

⁴² Там же. Л. 47.

⁴³ Там же. Л. 48.

8 февраля 1938 г. состоялось судебное заседание. Длилось оно, согласно протоколу, 30 минут. Видимо, надеясь выиграть время или добиться повторного следствия, Лежнев, как было отмечено выше, отказался от своих показаний:

Председательствующий раз'яснил подсудимому сущность пред'явленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. Свои показания, данные им на предварительном следствии, не подтверждает и заявляет, что они были даны им ложно.

Показания ЗАРУДИНА, ГУБЕР, ВОРОНСКОГО о том, что он был участником к/р. террористической группы, являются не верными. Ни в какой к/р. организации он не состоял и о существовании ее ничего не знал⁴⁴.

Это, конечно, никак на решение суда не повлияло. Приговор – «расстрел с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества»⁴⁵.

Следующий лист в деле – справка, согласно которой «приговор о расстреле Лежнева-Горелика Абрама Захаровича приведен в исполнение в Москве 8 февр. 1938 г.»⁴⁶.

Материалы на 52–58 листах засекречены по сей день. Все же остальные материалы дела – это уже документы о реабилитации Лежнева, инициированной 16 мая 1956 г. и завершившейся 11 августа 1956 г.⁴⁷

Литература

- Белая 1987 – Белая Г.А. Критика в контексте эстетики: О деятельности и творчестве А. Лежнева // Лежнев А.З. О литературе: Статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 3–33.
- Белая 2004 – Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004.
- Динерштейн 2001 – Динерштейн Е.А. А.К. Воронский: В поисках живой воды. М.: РОССПЭН, 2001.
- Юрганов 2016а – Юрганов А.Л. А.К. Воронский в литературном и политическом процессе (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.) // Россия XXI. 2016. № 1. С. 170–194.

⁴⁴ Там же. Л. 49.

⁴⁵ Там же. Л. 50.

⁴⁶ Там же. Л. 51.

⁴⁷ Там же. Л. 59–67.

- Юрганов 2016b – Юрганов А.Л. А.К. Воронский в литературном и политическом процессе (середина 20-х – начало 30-х гг. XX в.) (окончание) // Россия XXI. 2016. № 2. С. 150–183.
- Юрганов 2018 – Юрганов А.Л. Конкурирующие модели пролетарской культуры в СССР 1920-х годов // Россия и современный мир. 2018. № 2. С. 137–156.
- Maguire 1968 – Maguire Robert A. Red virgin soil: Soviet literature in the 1920's. Princeton (N.J.): Princeton Univ. Press, 1968.

References

- Belaya, G.A. (1987), "Criticism in the aesthetics context. On the work and legacy of A. Lezhnev", Lezhnev, A. *O literature: stat'i* [About literature. Articles], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR, pp. 3–33.
- Belaya, G.A. (2004), *Don Kikhoty revolyutsii – opyt pobed i porazhenii* [The Don Quixotes of the Revolution – experience of victories and defeats], RGGU, Moscow, Russia.
- Dinershtein, E.A. (2001), A.K. Voronskiy: *V poiskakh zhivoy vody* [A.K. Voronsky: In quest for live water], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Maguire, Robert A. (1968), *Red virgin soil: Soviet literature in the 1920's*, Princeton Univ. Press, Princeton (N.J.), US.
- Yurganov, A.L. (2016a), "A.K. Voronskiy in the literature and politics process (mid 1920s – early 1930s)", *Russia XXI*, no. 1, pp. 170–194.
- Yurganov, A.L. (2016b), "A.K. Voronskiy in the literature and politics process (mid 1920s – early 1930s) (ending)", *Russia XXI*, no. 2, pp. 150–183.
- Yurganov, A.L. (2018), "The Competing Models of Proletarian Culture in the USSR of the 1920s", *Russia and the Contemporary World*, no. 2, pp. 137–156.

Информация об авторе

Юрий Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; bityunan@gmail.com

Information about the author

Yury G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; bityunan@gmail.com